Эта книга, с интригующим названием «Неизвестный рыцарь России» (Санкт-Петербург, издательство «Журнал «Нева», 2015), с исследованием жизненного пути, личности и произведений поэта, имя которого ничего или почти ничего не говорит современному читателю, – не только о человеке, но и о времени.

Что есть жизнь человека? Сгущенное время. Что есть произведение искусства? Запечатленное время.

Вот только что́ есть само время, толком не знает никто; и почему с одними именами оно обходится смело и властно, запечатлевая на своей стене их огненные буквы, а с другими – тихо и тайно, затягивая мхом преданий, догадок и домыслов, а потом и захлестывая бездонным молчанием прежде звонкие честь и славу.

Наталья Гранцева написала книгу о Михаиле Хераскове. Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Державин – эти имена XVIII века мы еще помним, они всплывают, как некий «Наутилус», из смутных глубин школьной памяти. Но вот Херасков...

А ведь это был поэт (даже так скажем: Поэт!), который немало повлиял на Александра Пушкина. Которого читали и перечитывали современники. Эпические поэмы которого – «Россиаду», «Владимира», «Бахариану» – читали и перечитывали, обсуждали и изучали.

Если провести аналоги с историей музыки, подобная судьба постигала иных музыкальных гениев. Где, у кого на слуху сейчас имена

Николауса Брунса, Генриха Шютца, Дитриха Букстехуде? Кто слышит их сочинения? Крайне редко они звучат в концертных залах. Можно даже сказать, не звучат. Однако это сильнейшие, ярчайшие композиторы (как в Германии говорили и писали – компонисты) добаховской эпохи.

Бах явился – и их забыли.

Пушкин явился – и забыли, смею заметить, незаслуженно и даже трагично, того, кто дарил Пушкину вдохновение, темы, образы и даже самое музыку стиха.

Михаил Матвеевич Херасков встает со страниц книги Натальи Гранцевой живой, творческий, работающий и в почтенных годах как пылкий юноша – из-под его пера выходит «Бахариана» («Бахарияна», как писали и печатали на прижизненных обложках поэмы) – невероятное сочетание волшебства и точнейших наблюдений жизни, сказки и были, предания и правды; в тексте «Бахарианы» зашифрована, скрыта даже сама жизнь, биография автора («Неизвестный рыцарь» – это и есть сам Поэт!). «Чудеса и превращения» – это одно начало волшебного текста; второе, и Гранцева подчеркивает это, – «учебник морально-нравственного совершенствования».

«Почему его получил в подарок лицеист Пушкин, почему им зачитывался юный Гоголь, почему позднее его разыскивал по всем книжным лавкам поэт Николай Языков...» – вот как раз на эти «почему» Наталья Гранцева и дает ответ.

И пытается дать его не однозначно, не формульно, а развернуто, раздумчиво, с тем, чтобы мы, вместе с ней, смогли окинуть взором не только сюжетику знаменитых в свое время поэм, но и историческую панораму, прижизненную картину мира, что так внимательно наблюдал и так страстно любил Херасков.

А для Хераскова – впрочем, как для многих талантливых и образованных людей его времени – история была нынешним днем, она пребывала слишком близко в пространстве-времени, – вчера, нет, даже сегодня. Иначе Херасков не написал бы роскошную и по набору изобразительных средств, и по пафосной высоте сюжета «Россиаду» – поэму, где ее автор встает вровень с Гомером (и Гранцева не раз подчеркивает «гомерианство» Поэта!); в основу сюжета «Россиады» положен исторический факт – взятие Иоанном Грозным татарской столицы Казани. Но эта канувшая в вечность история, ожившая под пером Поэта, становится биением сердца, ходом стрелки сегодняшних часов.

То, что Пушкин вдохновился одной из сюжетных линий «Россиады», и следствием этого увлечения-вдохновения было появление на свет «Руслана и Людмилы» – одной из светлейших стихотворных сказок русской классической литературы, – давно ни для кого не секрет. Секретом для русской культуры – до сих пор, и это непростительно, это печально – пребывает сама жизнь и весь творческий путь Михаила Хераскова.

Недаром в высокопоэтическом, невыразимо печальном и торжественном, как церковная лития, предисловии к книге автор, через изображение некрополя Донского монастыря, иносказательно говорит нам о беге времени (и тут уместно вспомнить бессмертные строки Анны Ахматовой: «...Но как нам быть с тем ужасом, который / Был бегом времени когда-то наречен?»). А бег времени оказался безжалостным к

одному из бесспорных гениев России, к одному из великих ее поэтов.

Наталья Гранцева внимательнейшим образом прочитала «Бахариану», последнее произведение Поэта – и увидела в ней поистине новаторские ходы, что выламывались из современного Хераскову литературного канона; и вот что увидено исследователем – одно перечисление литературных примет уже уникально:

«Назидания, лукавая сатира, сентиментальная история, волшебная сказка, рыцарский роман, утопия, духовный травелог, педагогическая поэма, героический эпос, богатырская былина – множество отдельных форм, освоенных русской словесностью к началу XIX века, вошли в качестве эстетических элементов в единое художественное пространство “Бахарианы”».

В приложении приведен и текст самой поэмы; и можно поразиться и порадоваться тому, какое разнообразие метроритма, рифм, аллитераций, интонаций (разве возможно не узнать пушкинское веселье в этих шутливых строках: «Пониже опускаю стру́ну, / Стихов надутых не люблю; / Где будут надобны перуны, / Гремушку там употреблю...») использует поэт, причем все происходит естественно, без интонационного и ритмического напряжения, без искусственности замысловатой выдумки: вместо нее – свободно реющая фантазия, безошибочное чутье, изысканный вкус и живописная смелость словесного штриха. Все это – Херасков!

Так где же он, этот русский гений? Забыт? Утрачены его писания? Сожжены в пожарах революций и войн?

Ничуть не бывало. Михаил Матвеевич Херасков – такая же великая принадлежность нашей истории, как и Михаил Ломоносов, и Гавриил Державин, и многие другие гении. И Наталья Гранцева задает в своей книге архиважные, надеюсь на это, вопросы: когда мы вернем имя гения читающей публике? Когда будет издано полное собрание сочинений Михаила Хераскова? Когда и «Россиада», и «Бахариана» зазвучат в полный голос со сцены, с экрана?

Забвение подобных художественных величин – непростительно. И слава тому исследователю, что делает, впервые за последние годы, попытку не только творческого воскрешения Хераскова, но и вызывания живого интереса к самой личности Поэта.

Оказывается, название последней поэмы Хераскова «Бахариана» происходит от слова «бахарь», что означает – баятель, баян, балясник, рассказчик; такие бахари в Древней Руси сказывали сказы, пели мощные эпические песни и былины. Чаще всего эти певцы были слепы.

Так же, как слеп был великий аэд Гомер.

Наш, русский Гомер, Михаил Херасков, не ослеп в конце жизни, как Гомер, Бах или Гендель. Бог миловал его. «Бахариану» родил зрелый, проживший жизнь, зрячий и телесно, и духовно художник. Он видел, как из-под его пера выбегала быстрая строчка, и он слышал, как юный голос читает ему его собственные строфы.

А может быть, как смело предположила Наталья Гранцева, разгадка трагического забвения таится в том, что революционному пролетариату не были нужны авторы прошлого – не свободолюбцы, не борцы с тиранией, а напротив, консерваторы, сторонники царской власти? Ведь при сломе эпох симпатии восставших были на стороне художников-революционеров, а отнюдь не тех, кому было хорошо под сенью длани самодержца. Что ж, может, так и есть.

Но поменялись времена. И стал оживать интерес к прошлому. К его полуистлевшим страницам.

Самое бесценное, что могла сделать Наталья Гранцева, сама большой поэт, – это написать книгу о Поэте былых времен, вызвав в наших умах и сердцах не просто (и не только!) интерес к забытому имени, но и желание вернуть творчество Михаила Хераскова – в полном объеме – современному российскому читателю.

Что тут говорить, друзья мои? Это – миссия. Она внутри этой книги, самим появлением на свет этой книги, исполнена. И исполнена с честью.